

Б. А. Тураев

История древнего востока

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. А. Тураев**
История древнего востока: Том 2 / Б. А. Тураев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 267 с.

ISBN 978-5-458-24130-4

Книга является подробным курсом по истории Древнего Востока и охватывает материалы древних обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Палестины, Сирии, Малой Азии и Ирана. Книга снабжена большим количеством переводов с оригиналов различных литературных памятников и письменных документов социально-экономического характера, рисующих нам различные стороны жизни древне-восточных обществ. Предисловие акад. В.В.Струве и И.Л.Снегирева посвящено определению значения работы академика Б.А.Тураева в развитии исторического изучения народов Древнего Востока и характеристике социально-экономической формации Древнего Востока. Книга Рассчитана на учащихся старших курсов вузов и преподавателей.

ISBN 978-5-458-24130-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вавилоном были крайне неудачны, несмотря на то, что последний тоже страдал в это время от частых нашествий эламитов, царь которых Кидинхутрудаш не разграбил между прочим Ниппур, бывший любимой резиденцией касситских царей.

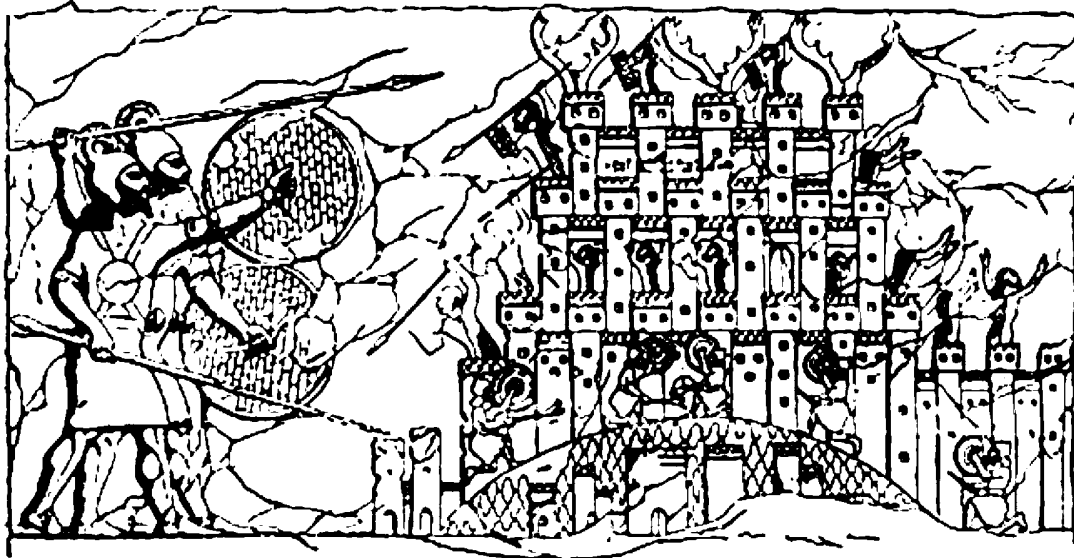
История Вавилона за это время вообще известна нам несколько лучше, чем я в предшествующий период. До нас дошло значительное количество документов из храмового архива Ниппура, пользовавшегося особым благоволением царей. Эти документы — большей частью письма и донесения царю, как земному представителю Энлила и покровителю его храма. В них царь называется обыкновенно «господином» почти в божеском значении. Другими важными источниками для внутренней истории Вавилонии являются многочисленные «кудурру», обязанные своим происхождением широко практиковавшейся касситскими, а равно и последующими царями раздаче земель своим приближенным. Цари старались окружить себя преданной знатью среди враждебного населения. Для этого они отчуждали землю у коллективных собственников (большой частью «биту» — племен), иногда путем покупки. Документ, служивший и пограничным знаком, был из камня, может быть, по обычаю горной родины касситов. Смутные времена и неуверенность заставляли помещать на этих камнях многочисленные символы божеств, призываемых в свидетели частной собственности. Многие из этих документов найдены в Сузах, куда были принесены в качестве трофеев эламскими царями, совершившими нашествия на Вавилон. Так, в начале XII в. Шутрук-Наххунте убил вавилонского царя Замама-шум-эддина, уже ослабленного войной с Ассирией, оправившейся при даре Ассурдана. Преемник убитого Белнадин-ахи был последним царем касситской династии. Один из первых царей, новой IV династии, так наз. Паше — Навуходоносор I не только прогоняет эламитов, но почему-то находит возможным хвалиться в одной из своих надписей, что он был «покорителем могучей страны Дулубеев», «покорил страну Амурра (Сирию) и разграбил касситов». Возможно, что он решился воспользоваться параличом Египта при Рамессиде и напомнить времена Хаммурапи. Хеттское царство еще существовало (преемники Хаттушиля — Дудхалия и Арнуанта), но уже не имело прежней силы — передвижения племен подточили его. Но подъем Вавилона продолжался недолго. В Ассирии современником Навуходоносора был Ассур-решиши, не только отразивший нашествие вавилонян, но и нанесший им поражение. В конце XII в. в Ассирии царствовал Тиглатпаласар I. К его времени из ассирийцев под влиянием постоянных войн выработалась крепкая солдатская нация, которая уже не довольствовалась землями своей родины. Тиглатпаласару I в нескольких походах удалось победить врагов Ассирии на севере, где он совершил трудные походы в горных странах Наири (Армении), и на западе, где он разгромил последнего хеттского царя, сражался с хеттскими племенами мосхов и др., явившихся как результат большого движения народов. Арамейские орды (Ахламу ассирийских текстов) он прогнал за Евфрат и покорил области: Нухашше, Ни, Катну, северную часть Ливана; всего в первые пять лет своего царствования он подчинил 42 страны с их царями, от Нижнего Заба, дальних гор до берегов Евфрата, страны Хатту и Верхнего моря, где заходит солнце. Он дошел до Финикии, плывал на арадских кораблях по Средиземному морю и, что весьма важно, получил почетные дары от царя Египта, в том числе крокодила и гиппопотама — это был поворотный пункт в истории Древнего Востока. Но вавилонские дела его были неудачны. Сначала он даже, кажется, покорил Вавилон, но потом царь последнего Мардукнадинахи не только прогнал его назад, но даже сам вторгся в Ассирию и увез оттуда статуи богов, которые через 418 лет удалось

вернуть Синахерибу. Вавилонский царь принял титул царя Сумира и Аккада, Ассирия же потеряла на три века свое значение.

Ассириец

Однако и Вавилонское царство переживало тяжелые времена, будучи постоянно под угрозой арамейев и халдеев. Невидимому, узурпатор Ададплуиддина (исх. XI в.), свергший преемника Мардукнадинахи, был арамейского происхождения; халдейского происхождения была, повидимому, следующая пятая династия (три царя — 21 год, в полов. XI в.). Один из последующих царей, уже VIII дин., Набуаплуиддин, по поводу реставрации храма Шамаша в Сиппаре, в вводной части своей надписи упоминает об этом смутном времени: «Суту (арамейское племя) враждебные злые люди во время опустошений Аккада разорили Ибарру (храм Шамаша), что в Сиппаре, уничтожили его изваяние. Закон Шамаша был забыт, его изображение исчезло». Основатель пятой династии Шильмаш-Шипак не нашел его; при его втором преемнике Кашшундин-ахи были голод и неурядица, и храм не мог быть восстановлен. Частичная реставрация была произведена только при основателе шестой династии («дом Бази») Э-ульмаш-шакин-шуме. Но эта династия дала тоже трех царей при 20 годах, уступив престол узурпатору эламиту (конец XI в.). После него до конца IX в. правили 13 царей VIII династии; нам неизвестны даже имена их. В царствование первого из них, Набу-мукин-апла (его грубое, но характерное изображение на одном из кудурру воспроизведено в начале этой главы), набеги арамейев были особенно дерзки, доходили до Вавилона и Бурсиппы, так что царь не всегда мог в день нового года совершить обычную церемонию и статуя бога Набу не могла быть доставлена по Евфрату в Вавилон.

Осада ассирийцами горной крепости

Итак, в Вавилоне в то время цари так же не были могущественны, как и в Египте; Хеттского государства уже не существовало. Таким образом, в Передней Азии не было сильной державы; это благоприятствовало процветанию ряда мелких царств: еврейского, где тогда царствовали Давид и Соломон, городских царств Финикии (Хиром в Тире) и арамейских княжеств, из которых главное было в Дамаске. Арамеи в это время окончательно осели в Северной Месопотамии до Балиха; там они, между прочим, образовали царство Битадини. Обломки хеттской державы еще существовали: так, на правом берегу Евфрата находилось царство Самаль, состоявшее из отдельных княжеств; оно сильно обарамеилось; в надписях его мы встречаем семитический язык с многими хананейскими формами; древнейшие из них семитологи прямо называют финикийскими. Религия здесь также была близка к ханаанской; главный бог носил имя, известное в Финикии и Вавилоне — Адад, его огромный грубый каменный идол, найденный в Зендширли, находится в Берлинском музее. Полу-хеттами, полу-арамеями были также патинеи (может быть, Падан-Арам Библии), жившие на границе Сирии и Малой Азии, в то время как соседний Мараш был уже представителем чисто-хеттской культуры. Но в других пунктах, напр., в Кархемише, хетты удержались еще против арамеев. Вероятно к этому времени относятся также открытые Оппенгеймом в 1899 г. на Хабуре в Месопотамии у Тель-Халафа остатки «дворца царя Капара, сына Ханпана», как гласит клинообразная надпись ассирийского письма на обломках скульптур несомненно хеттского стиля. В числе их следует указать на барельеф бога Тешуба, на единственный в своем роде бюст Астарты под покрывалом, на каменные плиты с рельефными изображениями льва, грифона, охоты на оленя и т. п. Все они крайне интересны в археологическом отношении и указывают (особенно удивительный грифон) на влияние как вавилоно-ассирийского, так и египетского искусства. В архитектуре хетты Северной Сирии выработали своеобразный тип постройки «хилани». Это — монументальные части дворцовых сооружений с толстыми стенами и башнями, заключающие в себе прямоугольные залы для приемов и аудиенций, но служившие и целям защиты. Тиглатпаласар II говорит, что он заимствовал в стране Хатти идею этих бит-хилани для своего дворца в Калахе. Саргон соорудил в Хорсабаде «аппати по образцу дворца страны Хатти, называемого на языке Запада бит-хилани». Эта хорсабадская постройка по плану напоминает одно из хилани раскопанного германскими археологами дворца в Самале.

Много новых сведений об Ассирии за древний период ее истории рассеяно в мало доступных публике отчетах (Mitteilungen) немецкого Orientgesellschaft; здесь же (в 35 выпуске) предварительный отчет Винклера о богазкейских документах. Надписи, найденные немецкими археологами в Ассуре, изданы по бумагам пок. Мессершмидта — Delitzsch, Keilschrifttexte aus

Assur historischen Inhalts, I (Wissenschaftliche Veröffentlichungen d. Deutsch. Oientgesellschaft, 16). Изданы пока одни тексты, без переводов и исследований. См. заметку Weidner'a в журн. Memnon VI.

Документы из Ниппура см. XVII т. I серия The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Letters to Cassite Kings from the temple archives of Nippur. Philad., 1908. Тексты изданы, снабжены переводами и исследованиями. Кудурпу Британского музея изданы (факсимиле), переведены и объяснены King, Babylonian Boundary-Stones and Memorial tablets. Lond., 1912. Юридическая работа о кудурпу принадлежит E. Cuq, La propriete fonciere en Chaldee d'apres les pierres — limites (koudourouts) du Musee du Louvre (Nouvelle Revue historique du droit, XXX, 1906, 701—739). Автор сравнивает представляемое в этих памятниках землевладение с общинным, между прочим, у славян, доказывает, что они создавали отдельные случаи частной и наследственной земельной собственности, ограждая ее от возвращения и избавляя от повинностей в пользу царя (право требовать людей у городов общины для ирригационных работ, для сооружения мостов и дорог, право пастбищ), начальника племени (право выбирать ив сборов жатвы, право требовать подводы и ослов и т. п.), соседей. Существование общинного землевладения на ряду с частным, засвидетельствованным законами Хаммурапи, автор склонен объяснять частью как явление вторичное, обязанное происхождением чуждым племенам, осевшим на окраинах (напр., Хаббан в Намаре), частью в центре страны, как остаток древности, удержавшийся особенно на берегах «анадон, где сложные работы не могли быть предприняты отдельным собственником и поддерживали связь фамилий.

Об арамеях, хеттах и др.: П. К. Коковцев, Надписи из Нираба. Зап.-Вост. отд. Р. арх. общ. XII. Sanda, Die Aramaer. D. Alte Orient. IV, 3. M. Streck, Ueber d. alteste Geschichte der Aramaer. Klio VI. — Ausgrabungen in Sendschirli. Mitteil. a. d. Orientalischen Sammlungen K. Museen. Oppenheim, Der Tell Halaf. D. Alte Orient. X, 1. Puchstein, Die Satile in der assyrischen Architectur. Jahrb. d. Archael. Instituts, 1892. Lidzbarski, Die stele v. Ordek-burnu (Ephemeris f. Semitische Kpigraphik III), издание и попытка объяснения плиты с изображением в хеттском стиле и надписью семитическим алфавитом на непонятном языке с отдельными семитическими словами, вероятно происходящей из эпохи самого начала проникновения семитизма в хеттскую среду (X в.). Тураев, К истории хеттского вопроса (история Марата). Зап. клас. отд. Р. арх. общ.

ФИНИКИЯНЕ В X—IX ВЕКАХ

Время упадка Египта и взаимных междоусобий возрастающей Ассирии и Вавилона было единственно возможным для появления в Сирии царств с самостоятельной политикой и некоторым могуществом. Менее, чем о евреях при Давиде и Соломоне, осведомлены мы о финикийцах, с которыми уже неоднократно приходилось встречаться, но и о них мы знаем, что единственный момент в истории, когда они были вполне независимы (ср. Закарбаал в отчете Унуамона) и близки к созданию крупного политического целого, был именно X век. Этому естественному совпадению мы обязаны тем, что Иосиф Флавий сохранил для нас драгоценные, хотя и прошедшие чрез греческие руки, отрывки тирских летописей той эпохи, когда евреи играли вместе с финикийцами историческую роль и находились с ними в наиболее оживленных сношениях.

Если верить Юстину, филистимляне, поселившись во время Рамсеса III в южной части сирийского берега, во время своих разбойничьих нападений разрушили Сидон. Это обстоятельство было выгодно для вечного соперника его — Тира, который завладел морской торговлей и извлек пользу из выгод исторического момента. Мы встречаем во главе его царя Хиром I (или Хирама, 969—936), о котором летописи, в изложениях Менандра и Дня, повествуют как о государе с замашками деспотов великих держав; с этой же стороны знает его и Библия, которая говорит об его экспедициях вместе с Соломоном в Офир и Тарсис. Он был и великим строителем. Восточную часть островного Тира он расширил, присыпав целую часть, в греческое время называвшуюся Еврихором и служившую, может быть, площадью для базаров и народных собраний. Раскопки действительно обнаружили насыпной песок вместо скалы древних частей. За этой грандиозной работой последовали постройки, столь любимые восточными царями. Ливанские кедры и сокровища Офира дали ему материал, и он снес древние храмы и вместо них соорудил в честь Мелькарта и Астарты новые, более соответствовавшие величию разбогатевшего города. Стоявший на особом островке храм Ваала небесного он соединил с городом, засыпав пролив, и пожертвовал в этот храм золотую колонну. Кроме того о нем сообщают, что он ходил против африканской Утики, не желавшей платить податей. Это указывает на подчиненное отношение колоний и на то, что тирский царь был действительно владыкой огромной морской державы. После его смерти царствовал сын его Валеазар (936—919), о котором мы ничего не знаем, а после него — Абдастарт (919—910), убитый сыновьями своей кормилицы, которые затем царствовали один за другим (Астарт, Астарим, Фелит) до 878 г., когда основал новую династию, убив Фелита, известный из Библии отец Иезавели Итобаал. Летопись сообщает, что при нем было бездождие, известное из историй пророка Илии, и что народ приписывал прекращение его молитве богоугодного царя. И он владел морем — «основал город Авзу» в Ливии. В это время ассирийское царство снова оправилось под управлением энергичного Ассурнасирабала, начавшего походы на запад. Итобаал думал сначала противостоять, ему и заложил крепость Ботрий на самой непроходимой части берега, для защиты своих владений. Этим же объясняется и его союз с Ахавом израильским. Владение Ботрием доказывает, что весь берег с Беритом и Библом находился под гегемонией тирского царя, который носит титул «царя сидонян», да и для Ахава союз был скорее похож на вассальную зависимость. Но такое великодержавное положение не могло продолжаться долго: борьба с Ассирией была не по силам, и Ассурнасирабал упоминает царя Тира в числе признавших его гегемонию и принесших ему дары.

Итак, финикийские поселения в Ливии, а следовательно и на других берегах Средиземного моря, существовали уже в X веке. Когда и при каких условиях они возникли, мы не знаем. Вопрос

этот один из самых жгучих; он касается истории Западной Европы в глубокую древность и связан с вопросом о влиянии финикийцев на европейскую культуру. Данных для его решения у нас нет, так как финикийские источники относятся к очень позднему времени, а классические — тенденциозны или являются результатом искусственных синхронизмов, домыслов и комбинаций. Этимологиями географических имен следует пользоваться крайне осторожно, иначе можно зайти так же далеко, как Моверс. В недавнее время на этот опасный путь встал Berard в своем остроумном и увлекательном труде «Les Phéniciens et l'Odyssee». Некоторые из его сопоставлений соблазнительны, особенно где географические имена сохранились в двух формах. Напр., Ἰεραχων νῆσος у о. Сардинии у Плиния назван Enosim, что по-финикийски действительно может значить «остров коршунов». Имя Скилла сопровождается иногда Петрац по-семитически skl значит «побивать камнями». Нет недостатка в финикийских этимологиях имени «Испания». Интересны заимствованные греками слова из финикийского языка: χρυσος (hrus); παλλαξίς — pellex — pelleges; σίχηρα — skr; χίτων — ktan; λιτά (покрывало) — lot, ουνοαι — aton, εἶφος, μαχαίρα, σαχος, nectar (от katar — курить благовониями), вино — oin — слово, вошедшее во все языки, и т. п. О торговле финикийцев с Италией свидетельствуют богатые пренестинские клады с серебряными блюдами, содержащими восточные изображения и финикийскую надпись. Пурпурные ловли Южной Греции, Сицилии и т. п. привлекали финикийцев; они эксплуатируются только до весны и после жаров, следовательно нуждались в факториях, стоянках для ожидания. Отсюда Berard производит многочисленные поселения с именем «Миной» — «отдых». Конечно, все это требует более солидных доказательств.

Трудность изучения культуры финикийцев, кроме недостатка источников, возводящих к древности более солидной, чем последнее тысячелетие до н. э., обуславливается множеством позднейших наслоений и иностранных влияний. Особенно это можно сказать о финикийской религии. Что из почерпаемых нами сведений относительно этого предмета можно считать исконным и национальным, что отнести на счет вавилонского влияния посредственного, т. е. чрез более, древнее население Сирии, найденное уже финикийцами при их переселении, что придется признать непосредственными заимствованиями финикийцев с востока и из Египта, что отнести к эллинистическому влиянию, что, наконец, можно признать, хотя и общеханаанским в основе, но принявшим, благодаря своеобразным географическим и историческим условиям, специально финикийский характер? Вот вопросы с которыми необходимо считаться при разработке того хаоса данных, которые нам сохранили классическая древность, библия и финикийские надписи. То, что мы знаем из этих источников, заставляет видеть в финикийской религии странное сочетание ясно и рельефно выраженного обоготворения воспроизводительных или разрушительных сил природы с именами и культами, общими с астральной религией вавилонян.

Некоторые данные делают возможным заключить, что финикийские и вообще ханаанские божества вышли из пустыни. Бык, символ верховного божества в Тире и Карфагене, указывает на покровителя стад; почитание отдельно стоящих деревьев или скал — на религиозное настроение жителя однообразной равнины, где каждый предмет, обращавший на себя внимание, заставляет предполагать в себе присутствие сверхъестественной силы; кроме того, для финикийцев характерно то, что функция божеств, как покровителей моря, если и была известна, то занимала в их представлениях далеко не первое место. Равным образом и роль их, как божеств света и тепла, не была первоначально заметна. Имена божеств крайне просты, нарицательны и исключают всякую мифологическую фантазию; это «владыки» (Ваал), «господа» (Адон), «цари» (Мелек-Молох), «владычицы» (Баалат) или просто «боги» (Эл). С переходом к оседлому состоянию и переменной образа жизни должны были перемениться и представления о божествах. Они сделались покровителями земледелия, богами плодородия. Каждый город называл своих богов различно, но сущность их была одна и та же. Везде чтили мужское божество «Ваала», владыку своего народа, проявлявшего себя в небесной природе — в громах, молнии, буре и т. п., почитавшегося на высоких горах. Рядом с ним стояла богиня, Мать земля, именуемая «Владычицей» или Астартой, олицетворение земного плодородия. Кроме этой пары, мы видим еще юное мужское божество природы, поскольку она выражается в жизни растительного мира, ежегодно возрождающегося и ежегодно умирающего. Скорее умирание олицетворено в юности божества, рано сходящего в

могилу насильственной смертью, и затем снова возвращающегося к жизни. Близость этих представлений к свойственным другим народам, вавилонской и даже хеттской религиям, очевидна. Астарта даже по имени напоминает Истар, а юный бог мифологически тождествен с Таммузом вавилонян, Аттисом хеттов и даже Осирисом египтян. В разных городах Финикии эти божества носили часто разные имена и иногда получали некоторые особенности. Так, в Тире юный бог стал Мелькартом, «царем города», и как будто отождествился с местным Ваалом в форме «Мелькарт, Ваал (владыка) Тира». В Сидоне упоминаются Ваал и Астарта, равно как и в Араде; юным богом в Сидопе и Берите был Эшмун, получивший здесь характер бога не только возвращенного к новой жизни, но и исцеляющего и оживляющего других; он сделался богом-целителем, почему греками сопоставлен с Асклепием. В Библие на первом месте стоял древний бог Ил или Эл, но его культ отступил пред почитанием местной владычицы «Баалат Гебал» и ее любимца Адона, Адониса греков, тождественного с вавилонским Таммузом, со спутником Иракла, Иолаем. Последнее может быть объяснено из существования его храма в Карфагене вместе с храмом Мелькарта, которого греки называли Ираклом.

Кроме Мелькарта и Эшмуна, Карфаген чтил еще местную Астарту под именем Танит, перешедшей к грекам в форме Дидоны. Здесь она получила, повидимому, окончательно характер лунного божества и носила имя Танит «Пенэ Баал», т. е. «Танит лик (проявление) Ваала», а также «Цалам-Ваал» (Саламбо) — «образ Ваала», подобно тому, как в Тире Астарта иногда называлась «Шем-Баал» — «имя Ваала». Здесь, во-первых, мы видим стремление теснее сблизить оба члена божественной двойцы, а следовательно известный прогресс религиозного сознания. Если, с другой стороны, тиро-карфагенский Мелькарт сделался божеством солнца, то его женское дополнение получило характер лунного божества, его подобия ночью, и в то же время покровителя рождения, виновника животворной росы. Интересно также, что женское божество считается проявлением не Мелькарта, а именно Ваала, «господа» вообще. Невольно приходит на мысль апулея «*deorum dearumque facies universa*».

Кроме этих верховных и всеобщих божеств, кое-где выступают и другие, значения, происхождение и функции которых не всегда ясны. Каждый финикийский корабль был украшен изображением бога-карлика. Одно из этих божеств носило имя «Пуам» — «бог молотка», переделанное греками в «пигмей», «бог с кулак», и вошедшее в состав имени Пигмалиона. Конечно, подобные божества уже вторичного происхождения; значение свое они могли получить только после развития культуры. Трудно сказать что-либо о боге Сакуне, имя которого встречается в сложениях с собственными именами, переводится греками как Гермес и значит «доверенный», «близ стоящий». Что за божество Цед, имя которого также попадает в собственных именах в финикийских надписях в Египте?

Тель-амарнские документы из Финикии поражают нас полным отсутствием упоминания о Ваале даже в виде составной части теофорных имен; зато обильно встречаются в них имена, сложенные с «Адду» или «Адди»; даже царь Библа именуется Риб-Адди. Этот Адду — бог, почитавшийся и в Ассирии и у арамея под именем Раммана или Адада; его функция, как бога бури и грома, известная из вавилонской литературы, видна из одного места переписки, в котором о царе египетском говорится, что он «возглашает свой глас с неба, подобно Адду, и вся земля трепещет от его голоса». Что культ этого бога существовал в Тире, можно заключить из упоминания у Филона библского трех тирских богов: Астарты, Зевса Димарунта (т. е. Мелькарта) и Адода. Но вообще в более позднее время о его культе в Финикии мало слышно. О распространенности почитания его среди других хананеев свидетельствуют хотя бы имена идумейских царей, Ададесер цованский и бог Ададриммон у пророка Захарии. Другое божество молнии с военным оттенком почиталось на Кипре: это — Решеп, перешедший в Египет вместе со своим женским дополнением Анат, известной и в Палестине (города: Бет-Анат и Анатот).

Для полноты обозрения финикийского пантеона следует еще упомянуть те божества, которые частью найдены в Сирии финикийцами, но пользовались меньшим почитанием, частью были заимствованы у других народов уже на глазах истории.

Так, о культе среди финикийцев ассиро-вавилонских богов Салмана и Нергала говорят поздние надписи, найденные в Афинах, но эти божества могли быть усвоены еще в древнее время: культ Нергала на Кипре известен еще из тель-амарнских документов. Многочисленны были заимствования финикийцев из египетского пантеона. Этому способствовали древние сношения Библии с Египтом, затем египетские завоевания и финикийские поселения в Египте. Кроме египетских символов, обильно украшающих финикийские надписи религиозного характера, и кроме египетского облика финикийских божеств в более позднее время, финикийцы переняли и культ некоторых божеств: например, Пта, Тота, особенно же Осириса. Последнее обстоятельство объясняется тем, что культ Осириса и миф его напоминали финикийцам их представления об Адонисе и Эшмуне и обряды, совершавшиеся в честь этих божеств природы. Последние, как и вообще мифы и культы, лучше всего могут выяснить нам свойство финикийских божеств, а потому к рассмотрению их мы теперь и обратимся.

Ритуал — самая устойчивая часть религиозной жизни: культы переживают представления и, во всяком случае, остаются позади прогресса или вообще движения религиозного миросозерцания. Если они и видоизменяются, то все же под новым всегда можно распознать первоначальное. Нередко культы переживают и создавшие их религии. Вот почему здесь мы имеем полное право черпать наши сведения не только из Библии, но и у таких поздних классических писателей, как Лукиан, автор трактата о Сирийской богине, и Дамаский. Первый по личным впечатлениям расскажет нам следующее об обрядах, справлявшихся в Библии:

«Видел я в Библии великий храм Афродиты библиской, в котором совершают обряды и в честь Адониса. Они говорят, что злодеяние относительно Адониса совершено свиньей в их земле, и в память его страдания они ежегодно бьют себя в грудь, плачут и устраивают оргии, и у них в стране устанавливается великий траур. После же биения в грудь и плача они приносят жертву Адонису, как мертвому, а на другой день рассказывают, что он жив, и провожают его в воздух. Они бреют голову, как египтяне по смерти Аписа. Женщины, не желающие стричься, подвергаются следующим наказаниям: один день они выставляются на продажу, и рынок предоставляется одним иностранцам, плата поступает на жертвоприношения Афродите.

Некоторые из библиян говорят, что у них погребен Осирис египтянин и что траур и мистерии справляются не в честь Адониса, а в честь Осириса. Скажу, откуда они считают это достоверным. Каждый год из Египта в Библию приплывает глава, совершая путь в семь дней; ее приносят ветры божественным плаванием. Она никуда не уклоняется, но проходит прямо в Библию. Все это чудесно и случается ежегодно, и во время моего пребывания в Библии случилось. И главу библискую я видел. Есть и другое чудо в земле библиской: река, вытекающая из горы Ливана, в море, имя ее — Адонис. Каждый год река делается кровавой и, потеряв свой цвет, впадает в море, окрашивая его на далекое пространство и подавая библиянам знак к трауру. Рассказывают, что в эти дни Адонис уязвляется на Ливане, и кровь его, стекая в реку, изменяет ее цвет и дает ей ее имя. Так говорит толпа, а один библиянин, убежденный в истине своих слов, указывал мне на другую причину явления. Он говорил следующее: «Река Адонис, пришлец, идет чрез Ливан, а Ливан весьма песчаный. Свирепые ветры, поднимаясь в те дни, гонят в реку землю в высшей степени окрашенную, и земля сообщает ей кровавый цвет, так что причина явления не кровь, на которую указывают, а сама страна». Так мне говорил библиянин. Если он и прав, то все же для меня весьма чудесна роль ветра».

Эти мистерии в честь Адониса в Библии пользовались известностью во всем древнем мире. Другие писатели дают нам возможность пополнить сообщения Лукиана. Так, мы узнаем, что семидневный праздник распадался на две части: *scsavtofxoc eφavισmoc xai qηtησιc* и *ευρεσιc*. Деревянное изображение убитого бога скрывали. Приготовляли так наз. «адонисовы сады». Это были корзины или сосуды, наполненные жирной землей и засеянные хлебными злаками или латуком. Женщины выставляли их у дверей на солнце, и скорое увядание их символизировало судьбу юного бога плодородия, сраженного зноем. Когда его изображение находили, начинались

ликование и излишества. «Сады Адониса» вошли в поговорку: их считали синонимом всего поверхностного, скоропреходящего.

Известия об этих мистериях прежде всего наглядно доказывают хтонический характер библского культа, его родство с малоазиатским (Атис), египетским (Осирис) и, конечно, вавилонским. Пророк Иезекииль говорит о женщинах, которые «плакали по Таммузе», а один египетский писатель, если только остроумная конъектура Макса Мюллера удобоприемлема, знал семитическое имя морской птицы, которое значит «плакальщица по боге». Даже «Сады Адониса» находят себе подобие в абидосских фигурках Осириса, засеянных злаками и известных нам по изображениям на стенах храмов. Характерна также жертва, которую должны были приносить женщины. И ее можно объяснить из хтонического свойства божеств плодородия. Согласно основному представлению всех первобытных религий, человек, всецело завися от божества, может избежать его гнева или стяжать его милость, принося ему в жертву, с одной стороны, самое для себя дорогое, а с другой — самое ему приятное. Жертва девством, да еще для иностранцев, как нельзя более соответствовала божествам плодородия. Наконец, это жертвоприношение как бы соответствовало принесению начатков и освобождало девиц от рабства богине, которой до тех пор одной принадлежали они и духом, и телом. Этот дикий обычай, представляющий одну из отталкивающих сторон ханаанской религии, был свойственен не только Библию. Так называемая священная проституция тоже шла из Вавилона, где ее видел Геродот, она была известна у евреев в периоды их увлечения языческими культами, в Малой Азии, на Кипре, во всей Сирии. — Аналогичный миф сообщает Дамаский о беритском Эшмуне. Этот прекрасный юноша возбудил любовь Аетарты (у него Астронои), но не отвечал ее страсти. Преследуемый ею, он сам изувечил себя и умер от раны. Богиня с помощью Пэана (по Тилэ — олицетворение магических изречений) воскресила его и поместила в число богов. И здесь юный бог — олицетворение жизненной теплоты весны и растительной силы, умирающий, но оживающий и оживляющий других, откуда его сопоставление с греческим Асклепием.

Несколько иного порядка мифы и культы Тира и Карфагена. Если известны сказания о путешествиях Мелькарта и Иракловых столпах могут быть мифическим олицетворением тирского мореходства, а вычитанные Саллюстием из Гиемпсал рассказы о подвигах и смерти Иракла в Испании и происхождении от него нумидов и ливийцев выдают египетское происхождение, то известное нам о культе Мелькарта указывает на его солнечный характер. Иосиф Флавий приводит известие Менандра, что царь Хиром впервые отпраздновал «пробуждение Мелькарта в месяц перитии». Последний приходился на зимнее солнцестояние, следовательно праздник по времени соответствовал римскому *Natalis Soils invicti*. Что Хиром «впервые» отпраздновал в это время, может указывать на то, что к этой эпохе тиряне признал окончательно Мелькарта солнечным божеством, а может быть на какую-нибудь реформу календаря. На солнечный характер его указывает также сопоставление с Ваал-Хаммоном и сооружение в честь его так наз. хамманим. Первый — карфагенское божество, встречающееся неукоснительно на пунических надписях вместе с Танит; имя его обыкновенно производят от корня *hammah* — «пылать» и объясняют как «знойный» — эпитет знойного божества. Хамманим — это камни или столбики — обелиски, ставившиеся у жертвенников бога и, судя по своему названию, были посвящены ему как божеству солнца. Может быть, это было что-либо вроде канделябров, изображенных на лилибейской надписи, но вообще ими назывались символы Ваала или Мелькарта, который часто представлялся в виде колонн или обелисков. Кроме того, на одном позднем африканском памятнике Ваал-Хаммон изображен с лучами вокруг головы. Во всяком случае, ни к одному божеству древности не шла так роль владыки солнца, как к покровителю Тира и Карфагена, который находил себе почитателей от восточного берега Средиземного моря не только до самых западных его пределов, но и за последними: Лике на Атлантическом океане в Африке славился его храмом, а женское дополнение его — Астарты оставила свои следы даже в Англии, где в нортуберландском Корбрядже найдена надпись, начинающаяся словами: «*Астартыς βωμον*». Солнечный характер Мелькарта отразился и в мифе. И он был убит Тифоном, силой мрака, и ожил при помощи Иолая-Эшмуна.

Подобно библской Баалате, Мелькарт или вообще Малк, Молох, как показывает уже его имя, был царем и владыкой человечества, которое всецело от него зависело. Проявлением рабских чувств и были те страшные человеческие жертвоприношения, которые являются другой мрачной стороной ханаанских религий. При всяких важных политических событиях, при общественных бедствиях, умилоствляли бога-деспота, принося ему в жертву самое дорогое для человека — детей. В случаях крайней опасности царь собственноручно закалывал своего первенца, а иногда, как мы, напр., знаем в Карфагене, происходили целые гекатомбы из детей знатных фамилий. Подобные ужасные празднества впрочем происходили и без внешних причин, а ежегодно в главный праздник алчного божества, для напоминания о зависимости от него и для его умилоствления. Равным образом и благодарность за успех, напр., в войне выражалась в заклинании или всеожжении пленных, из которых для этой цели выбирались лучшие в физическом отношении, свободные от каких-либо телесных недостатков. Таким путем жертвователь лишал себя дохода от продажи их в рабство и совершал, следовательно, сугубую жертву. Человеческие жертвоприношения совершались не только как всеожжение, хотя это вообще считалось самым совершенным способом направления дара к божеству: огонь пожирал все и в виде дыма нес к самому небу. Тирские и карфагенские мореплаватели находили необходимым умилоствлять покровителей водной стихии человечества и другими жертвами. Так, Гамилькар, отплывая с флотом, бросает в море мертветвых животных, а осажденные Александром тиряне рубят на куски на стенах города пленных солдат и бросают в море. Подобные обряды мы находим у многих народов древности. Так, на знаменитых балаватских воротах изображены ассирияне, бросающие куски животных в воду озера Ван. Но человеческих жертвоприношений в том размере, как это мы встречаем у финикийян, не было ни у вавилонян, ни у ассириян, ни у египтян. Зато они в изобилии попадают у других семитических, особенно ханаанских народов, не исключая и евреев.

Жертвы в честь моря указывают нам на то, что с течением времени у финикийян явилось представление о его божествах. Иначе, конечно, не могло быть, но вопрос этот для нас весьма темен. Кроме глухих намеков у Филона библского, мы располагаем таким же поздним источником — монетами, на которых иногда изображаются божества, большею частью в греческом облике, и с признаками покровителей моря. Так, например, на беритских монетах божество стоит с трезубцем на четырех дельфинах, на библских — морской гений в виде крылатого коня с хвостом дельфина, на тирских — Мелькарт, сидящий на морском коне, и т. д. Специально водный характер однако никогда не приобрели финикийские божества; в этом отношении гораздо дальше пошли ханаанский Дагон и арамейская Деркетто, изображавшиеся с рыбьим хвостом вместо ног. Эти божества особенно чтились у филистимлян; они были известны и финикийцам, но играли у них менее заметную роль.

Сведения о финикийских храмах мы почерпаем, кроме литературных и эпиграфических указаний, из археологических данных и из изображений на монетах. Хотя все эти свидетельства относятся ко времени очень позднему, хотя они идут «о всех местностях вокруг Средиземного моря, населенных финикийцами, но они удивительно подтверждают друг друга, доказывая, что и в этой стороне культа первоначальное было весьма устойчивым и мало изменилось под внешними влияниями. Это первоначальное финикийских храмов также отсылает нас в пустыню, как и почитавшиеся в них божества. В основе их лежит священный предмет, фетиш, окруженный двором. Этими фетишами, последним представителем которых является существующий до сих пор «черный камень» в Мекке, были у финикийян конусообразные или столпообразные, а то и круглые камни или колонны, считавшиеся носителями божественной силы и называвшиеся «вефилями» — «домами божиими». Среди них могли находиться и аэролиты, но вообще такое благоговение к большим камням явиться только у жителей пустыни, для которых все, выделявшееся из однообразия равнины, возбуждало священный трепет. Еще Геродот повествует о двух *στῆλαι* в храме г. Тира: золотой и смарагдовой; Иосиф Флавий и Плиний говорят, что золотая была круглой, а смарагдовая — четырехугольной. Их значение как символов бога солнца видно уже из того, что, по Геродоту, смарагдовая колонна «*ρεῦαλως*» светила ночью. По всей вероятности, этот смарагд был фальшивый — стеклянная лазурь. Греческие химики сообщают, что в древности были известны средства сообщать благородным металлам и стеклянным сплавам